А.Р. Димаев

ИММИГРАНТЫ КАК ФАКТОР РОСТА НАПРЯЖЕННОСТИ В ПРИНИМАЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ

Понимание фундаментальной и в принципе позитивной для общества, обновляющей и развивающей его сущности современных миграционных процессов не решает трудную для стран-реципиентов проблему массовой иммиграции. Правительства стран-реципиентов, даже если осознают необходимость привлечения иммигрантского «социального капитала», вынуждены проводить специальную политику по взаимной адаптации коренного населения и иммигрантов. Иначе не избежать общей дестабилизации социальной жизни.

Во-первых, нужны специальные просветительские, идеологические программы, которые бы учили в равной мере и коренное население и иммигрантов ценностям толерантности, прав человека и законопослушания. Подобные программы должны охватывать оба контингента как единое сообщество, ни в коем случае не обособляя иммигрантов.

Во-вторых, необходимы работающие программы по ассимиляции иммигрантов. Хотя они и разработаны специально для иммигрантов, они должны быть частью программ по взаимной адаптации коренного населения и иммигрантов. Конечная цель всех таких программ – активизация иммигрантского «социального капитала» в интересах роста социально-экономической эффективности страны-реципиента.

Казалось бы, в современных условиях и на много лет вперед очевидна необходимость проведения государствами либеральной миграционной политики. Поворот к такой политике происходит в мире, однако довольно трудно: еще сильны, в том числе и в правительствах, негативные по отношению к иммигрантам стереотипы общественного мнения. Социологами подмечено, что стереотипы общественного мнения формируются там, где люди ведут «массовый» образ жизни, подвергаясь массовому и стандартизированному воздействию средств массовой коммуникации – со стороны СМИ, рекламы и т. п. Естественно, в городах люди в гораздо большей степени приобщены к средствам массовой коммуникации, чем в деревнях, где образ жизни, складывающийся в отдельных

домохозяйствах, не располагает к росту влияния средств массовой коммуникации и, соответственно, к формированию стереотипов общественного сознания. Любопытно наблюдение отечественных социологов, что сельское население России настроено к иммигрантам более лояльно, чем городское.

Заметим, что иначе и не могло быть: город в большей степени «массовое общество», чем деревня, в нем сильнее, чем в деревне, власть средств массовой коммуникации и, следовательно, сильнее власть стереотипов, в том числе тревожной реакции на иммигрантов.

Мир становится все более урбанизированным, в котором средства массовой коммуникации, обеспеченные компьютерными коммуникационными технологиями, приобретают огромную силу. Как будто бы это должно означать усиление феномена «массового общества» и стереотипов общественного мнения, упрощающих картину мира и взращивающих «черно-белое» сознание. Однако компьютерные технологии коммуникации формируют тип коммуникации, отвечающий скорее форуму, где каждый участник индивидуален, активен, самостоятелен, имеет собственное мнение, чем массовой аудитории, которая пассивно поддается воздействию средств массовой коммуникации. Поэтому формирующееся сегодня информационное общество по своим институциональным механизмам благоприятно для миграционных процессов, поощряет их и поворачивает правительства к осуществлению либеральной миграционной политики.

Можно предположить, что чем в большей степени общество становится информационным, тем будет больше укрепляться эта тенденция, и проблема взаимной адаптации иммигрантов и принимающего общества хотя и сохраняется, но постепенно утрачивает характер проблемы. Эту тенденцию подтверждают российские социологи, фиксируя в России, которая, как и весь индустриально развитой мир, втягивается в координаты информационного общества, в целом лояльное отношение к иммигрантам. Социологи, исследовавшие в этом отношении Тверскую область, отмечают: влияние связываемых с иммигрантами мнимых угроз и устойчивых стереотипов разделения на «своих» и «чужих» не настолько велико в регионе, чтобы серьезно препятствовать процессу взаимной адаптации принимающих и прибывающих.

Разумеется, проблема взаимной адаптации остается, причем проблема эта асимметрична – она утяжелена для иммигрантов,

у которых в любом случае «гостевой», а не «хозяйский» статус. Иммигранты обязаны поступиться своей этнокультурной идентичностью в большей степени, чем «хозяева», это и будет выполнением «гостями» требования ассимиляции. Ассимиляция – непреложное для иммигрантов требование. Оно не нарушает их права, поскольку ассимиляция является их долгом как иммигрантов, которые обязаны знать язык принимающей стороны и не вести себя вызывающе, подчеркнуто демонстрируя свой образ жизни. Подобными демонстрациями иммигранты могут вызвать у какой-то части принимающего общества даже одобрение. Однако в целом они лишь отчуждают себя от принимающей культуры, показывая ее массовым носителям свой облик «других» и тем самым оживляя в «хозяйском» массовом сознании стереотипы настороженного отношения к себе.

Таким образом, процесс взаимной адаптации местного населения и переселенцев противоречив, поскольку носит, как и все процессы в обществе, статистический и психологический характер. К примеру, важнейшее требование ассимиляции обязательно делит иммигрантов на тех, кто готов и способен выполнить данное требование, и на тех, кто не хочет или не способен подчиниться ему. В результате для какой-то части иммигрантов процесс адаптации неизбежно оборачивается своей противоположностью – отчуждением от принимающего общества.

Существует и такое противоречие в процессе адаптации иммигрантов, как ослабление групповой поддержки переселенцами друг друга в результате их успешной ассимиляции. Успех ассимиляции разъединяет иммигрантов, повышая для них риски не вписаться в принимающее общество. Поэтому иммигрантские землячества сами становятся довольно серьезным фактором сопротивления ассимиляции своих членов. Проблема осложняется тем, что существование иммигрантских землячеств укладывается в современную тенденцию роста общественной самоорганизации. Возможно, требуется особо внимательная к этой стороне дела миграционная политика принимающего государства с тем, чтобы иммигрантские землячества становились больше «клубами по интересам» к своим корням, чем организациями защиты от чуждой им культуры.

В частности, миграционная политика могла бы иметь направление, специально занимающееся такой селекцией приезжих, которая бы предусматривала распределение их по территориям,

близким им в отношении культурной, ментальной, профессиональной среды. Речь не идет о гарантиях трудоустройства иммигрантов по их профессиональным, квалификационным, ментальным и прочим предпочтениям, но лишь о том, чтобы, к примеру, крестьянин не оказался в чуждой ему социально-культурной среде, а интеллектуал не попал в условия, где его интеллектуальный капитал не нужен. Разумеется, миграционная политика станет столь продуманной и внимательной лишь в том случае, если в правительстве будет понимание, что иммигрантов следует принимать не из гуманности и не по каким-то международным обязательствам, а по стратегическому соображению обеспечения будущего для принимающей страны именно в смысле государственной заботы о национальном социально-экономическом росте. При отсутствии такого понимания миграционная политика окажется заведомо неэффективной, ложной, способной лишь провоцировать рост ксенофобии, агрессии, нетерпимости.

Социологи и социальные психологи утверждают, что общество, когда его инстинкты толпы не возбуждаются «политиками» или «вожаками» особого склада (неумными и имеющими проблемы психики), предпочитает вести мирную, общительную и в целом созидательную жизнь, оно лояльно к иммигрантам и всегда поладит с ними. Тем более если правительство понимает фундаментальность и прямую пользу для страны глобального миграционного процесса. Тогда при всех сложностях формирования соответствующей миграционной политики и всей противоречивости взаимоотношений принимающего общества и иммигрантов для последних не будет больших проблем с адаптацией.

Между тем недостаточно государственного понимания, что с помощью глобального миграционного процесса можно и нужно решать социально-экономические проблемы страны, как недостаточно и желания государства проводить соответствующую миграционную политику. Необходимо государственное понимание и относительно того, что современный всплеск глобальной миграции населения является неотъемлемой частью глобальной институциональной перестройки в сторону институтов социально-экономической системы беспрецедентного уровня открытости – свободы перемещения по всему миру товаров, капиталов, людей. Современная массовая миграция существует именно в таких институциональных условиях. Не будь их, она была бы иной, явно не столь массовой, не выступала бы устойчивым и мощным фактором со-

циальной динамики, каковым является сегодня и в долгосрочной перспективе.

Политика доверия властей принимающей страны к иммигрантам, подкрепленная институциональными мерами привлечения, адаптации и ассимиляции иммигрантов, – важнейший фактор успеха в использовании глобальной миграции населения в социально-экономических интересах конкретной страны. Однако никуда не девается и фактор общества, которое живет, подчиняясь не только государственной политике, но и тонким психологическим механизмам – стереотипам, установкам, фобиям. Известно, что общества различаются по уровню толерантности. Это заметил, например, Ф. Фукуяма, классифицировав общества на «трастовые» (с высоким уровнем толерантности), «атомистические» (с низким уровнем толерантности) и «фамилистские» (с промежуточным уровнем толерантности)[1].

Согласно воззрениям Фукуямы, все эти общественные типы не носят врожденного характера, но исторически складываются по соответствующей длительной традиции, которая, в свою очередь, формируется соответствующими институтами и соответствующим типом правления. Так, традиция демократического правления обучает общество толерантности, а традиция авторитарного правления, транслирующая нормы неравенства между «подчиненными» и «начальством», воспитывает людей в духе взаимного отчуждения и, естественно, недоверия.

Каждое новое поколение восприимчиво к самым радикальным переменам, если они происходят, например, при революциях, реформациях, социальных модернизациях. Поэтому обществу с сильным дефицитом толерантности не закрыта перспектива трансформации в толерантное общество, как не закрыта перспектива и обратной трансформации. Реальность такова, что текущее состояние конкретного общества характеризуется определенным, высоким или низким, уровнем толерантности. Это важный фактор в решении задачи адаптации и ассимиляции иммигрантов. Однако его не следует преувеличивать, а тем более демонизировать в случаях, когда социологи фиксируют низкий уровень толерантности данного общества. Не следует думать, будто общество обречено на войну с иммигрантской «угрозой», но экспертам и политикам

[1] *Fukuyama F.* Trust… The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y., 1996.

необходимо работать над созданием и укреплением институциональных условий для требуемых перемен в общественном сознании, прежде всего, над созданием демократической традиции. Если демократические институты будут создаваться и укрепляться, новое поколение обязательно сформирует установку на толерантные отношения и передаст ее следующим поколениям.

Формирование в обществе такой установки – государственное дело, и сегодня государство тем более обязано заниматься этим, поскольку, по констатации социологов, «наличие иностранных иммигрантов в любом городе 21 века – это совершенно обычное явление. В любом обществе всегда найдутся выходцы из иных стран. Это не негативное, а нормальное явление. Современные демографические и экономические реалии в мире таковы, что население и экономика стран будут сокращаться без притока иммигрантов. Вопрос иммиграции остро стоит на всех континентах, во множестве стран. Мы живем в период повышенной подвижности людей и, в то же время, в эпоху нарастающего страха. Поэтому государствам необходимо найти сбалансированное решение»[1].

Слова о том, что мир сегодня стал, с одной стороны, беспрецедентно подвижным, а с другой – повышенно конфликтным и «нагруженным» фобиями массового сознания, вполне характеризуют современную социологическую ситуацию. Сделав мир чрезвычайно подвижным (миграционным) и «тесным», глобализация обострила и, главное, вывела на новый уровень этнические проблемы. Новый уровень этнических проблем заключается в том, что этническое сознание обострено сегодня не только у этнических меньшинств, но и у этнического большинства в принимающих обществах, что естественно при громадных потоках иммигрантов. США – иммигрантская страна, и поэтому там не наблюдается эффекта активизации «этнического большинства» в силу достаточной условности для США самого понятия «этническое большинство». Для других же стран, в том числе России, положение принимающего общества – новое, и они внятно демонстрируют указанный эффект. Показателен пример Германии, где именно в восточных землях – на территории бывшей ГДР, не имевшей опыта притока мигрантов, проявляются настроения ксенофобии и активизируется нацистское движение, чего нет в западных землях, где имми-

[1] «Монреаль – Киев – Вашингтон. Опыт адаптации пришельцев»: Интервью Б. Рубла // www.washprofile.org/ru/node/4511.

гранты после Второй мировой войны стали привычным контингентом.

Возникновение в Российской Федерации фобий этнического большинства в отношении своего статуса, который воспринимается этническим большинством как недостаточно высокий при сопоставлении с образом иммигранта, якобы претендующего на вытеснение представителей этнического большинства из групп высокого статуса, представляется естественной «болезнью роста». Верно, что в настоящее время, как отмечают социологи, русские, хотя в количественном отношении и доминируют в группах высокого статуса, не выделяются лучшими показателями по доле людей с высшим образованием, предпринимателей, работников умственного труда, руководителей, менеджеров в сравнении с представителями других национальностей, относительно давно проживающими или родившимися в России[1].

Однако это – стандартная в мире ситуация, объясняемая психологами тем, что представители этнических меньшинств, как правило, очень стараются, в отличие от этнического большинства, не только не пропасть в социальной жизни, но продемонстрировать свою успешность. Доля представителей этнического большинства, имеющих такую мотивацию, по определению уступает доле подобных представителей этнических меньшинств. Отсюда и наблюдаемый социальный результат, который можно скорректировать, если этническое большинство обретет столь же сильные амбиции, будет так же стремиться повышать свой образовательный, профессиональный, квалификационный уровень.

Россия становится частью глобального и миграционного мира, испытывая при этом необходимые издержки. Но мир уже не будет таким, каким был в XX веке, и в России со временем улягутся фобии этнического большинства, а иммиграционный контингент станет привычным.

---

[1] См.: *Добрынина Е.* Москва приезжая. Национальные диаспоры и уроженцы: как мы друг к другу относимся // Российская газета. 2006. 30 авг.; Части и целое. Необходимо отделить социальное от этнического: Интервью Л.М. Дробижевой // Независимая газета. 2006. 26 сент.; Будут ли в Москве мигранские кварталы?: Интервью И.М. Кузнецова и В.И. Мукомеля // Комсомольская правда. 2006. 30 марта; *Арутюнян Ю.В.* О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социс. 2005. № 1.